

ФИЛОСОФИЯ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.4.1-28-41

УДК 1(091)

ДЕЙСТВИЕ БЕЗ НАМЕРЕНИЯ: НЕКОТОРЫЕ РЕМАРКИ АНАЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ ПРИМЕНИТЕЛЬНО К ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ

Санжениаков Александр Афанасьевич,

кандидат философских наук,

старший научный сотрудник

Института философии и права СО РАН,

Россия, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

ORCID: 0000-0002-5789-6632

sanzhenakov@gmail.com

Аннотация

В статье рассматриваются теории социального действия в контексте критики аналитической философией теории действия в целом. Сначала излагаются базовые концепции социального действия М. Вебера, Э. Дюркгейма, Т. Парсонса. Несмотря на некоторые разночтения между этими теоретиками, они солидарны в том, что социальное действие является целенаправленным и в основе своей имеет намерение действующего лица, ориентированного на других людей, что и делает его социальным. Автор обращается к аналитической философии, в рамках которой понятие «намерение» было подвергнуто скептическому анализу. Так, в философии позднего Витгенштейна действие получает свой смысл не из намерений действующего лица, а из контекста его реализации, точно так же как слова получают свой смысл из условий, в которых они употребляются. Его идеи развила Э. Энском, которая отказалась от интроспекции как метода познания намерений субъекта действия. Логичным следствием отказа от психологизации намерения стало обращение к контексту совершаемого действия, и к его социальным условиям в том числе. Рассмотрев примеры применения теорий социального действия, мы пришли к выводу, что по преимуществу социологи в своих исследованиях используют модель рационального субъекта действия, отличительными чертами которого является осведомленность в собственных намерениях и целях. Хотя некоторые исследователи предприняли попытку ослабления этой модели с целью приблизить ее к образу действий реальных участников социальной интеракции, эти изменения не коснулись осведомленности субъекта действия относительно соб-

ственных целей и намерений. В связи с этим автор статьи делает вывод, что одна из актуальных задач социологии сводится к выработке новой модели субъекта действия, в которой будет органичным образом сочетаться ориентированность субъекта на внешний контекст и ограниченная осведомленность относительно оснований своих действий.

Ключевые слова: теория действия, социальное действие, Витгенштейн, намерение, рациональность, целеполагание.

Библиографическое описание для цитирования:

Санжеников А.А. Действие без намерения: некоторые ремарки аналитической философии применительно к теории социального действия // Идеи и идеалы. – 2021. – Т. 13, № 4, ч. 1. – С. 28–41. – DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.4.1-28-41.

Введение

Понятие и сущность социального действия довольно подробно исследованы. Достаточно сказать, что в этом направлении работали такие философы, как М. Вебер, Э. Дюркгейм, Ф. Знанецкий, Т. Парсонс, А. Турен, П.Л. Бергер¹. Известно, что благодаря Дюркгейму и Веберу сложились две традиционные интерпретации: согласно первой, дюркгеймовской, социальное действие обусловлено и задано объективными (внешними) факторами (условно говоря, самой социальной реальностью, в которую погружен субъект действия и которая его детерминирует), согласно второму подходу, веберовскому, социальное действие зависит в большей мере от самого человека, который по преимуществу является его источником.

В настоящей статье мы не ставим своей задачей подробное рассмотрение современных теорий социального действия². Нам хотелось бы сосредоточить внимание на некоторых философских ремарках относительно теории действия и задуматься, какие последствия они могли бы оказать на социальную теорию действия. В частности, мы обратимся к Л. Витгенштейну и Э. Энском, но прежде в самых общих чертах расскажем о теориях социального действия Вебера, Дюркгейма и Парсонса.

Вебер, Дюркгейм и Парсонс о природе социального действия

Согласно Веберу, действием называется «человеческое поведение (всё равно, внешнее или внутреннее, воздержание от действия или претерпевание), если и поскольку действующий или действующие связывают

¹ Как писал П.Л. Бергер, «социолог во многом похож на разведчика. Его работа заключается в том, чтобы с предельной достоверностью описывать некоторый театр социальных действий. Другие люди или он сам, но уже не в роли социолога, должны решать, какие передвижения следует сделать на том или ином участке» [1, с. 14].

² Это уже было сделано до нас не раз. См., напр.: [8, 9, 13, 14, 16].

с ним субъективный *смысл*. Социальным же действием называется такое, которое по своему подразумеваемому действующим или действующими смыслу соотнесено с поведением *других* людей и ориентируется на него в своем протекании» [2, с. 602, 603]. В связи с этим Вебер отмечает, что не каждое действие является «социальным». Так, «действие не может быть названо социальным в том случае, если оно ориентировано только на поведение вещных объектов. Внутреннее отношение носит социальный характер лишь в том случае, если оно ориентировано на поведение других» [2, с. 625]. Также Вебер отказывается внести в перечень социальных действий единообразное поведение (если множество людей во время начавшегося дождя одновременно открывают зонтики, то это не значит, что их действия ориентированы на других и поэтому не могут расцениваться как социальные) и поведение, обусловленное массовостью (индивид, ощущающий в толпе разнообразные чувства: воодушевление, радость, отчаяние, ярость, – не является инициатором этих эмоций и действий, вызываемых ими, поэтому его поведение нельзя считать социальным). В некоторой степени идеи польско-американского социолога Ф. Знанецкого продолжают линию Вебера. Знанецкий определяет социальные действия как «такие и только такие действия, в которых главным объектом, подвергающимся влиянию действующего лица, являются сознающий себя индивид или группа» (цит. по [7, с. 161]).

Поскольку Дюркгейм полагал, что «социальные факты не только качественно отличаются от фактов психических; у них *другой субстрат*, они развиваются в другой среде и зависят от других условий» [6, с. 399], постольку он отказывался видеть в социальном действии психологическую, субъективную составляющую. Ввиду этого он постулирует подход, согласно которому социальные факты должны изучаться как нечто внешнее индивиду. «Предлагаемый нами метод целиком зиждется на том основном принципе, что социальные явления должны изучаться как вещи, т. е. как внешние по отношению к индивиду реальности» [5, с. 6]. Социолог должен оставить попытки проникновения во внутренний мир исследуемых акторов психологам и рассматривать психологические качества социальных агентов (любовь, влечение, религиозное чувство) как приложение к социальным институтам. Согласно Дюркгейму, социальные институты – это «реальные, живые действующие силы, которые, определяя собою индивида, тем самым ясно доказывают, что они не зависят от него, по крайней мере тогда, когда он входит в качестве элемента в те комбинации, результатом которых они являются» [5, с. 8]. Как следствие, Дюркгейм отодвигает на второй план намерения и мотивы участников социальной интеракции.

Большим теоретическим продвижением в теории социального действия стали наработки Т. Парсонса, который предложил «общую систему

человеческого действия», включающую в себя актора (деятеля), цель (будущее положение вещей), ситуацию (которая в одном или нескольких отношениях отличается от будущего положения вещей, то есть цели) и так называемую нормативную ориентацию действия (определенный способ взаимодействия всех элементов друг с другом) [12, с. 94, 95]. Помимо этого, Парсонс обращает внимание на временной аспект любого действия: «...действие есть всегда процесс, совершающийся во времени. Временная категория – это основная категория для данной схемы» [12, с. 96]. Другая немаловажная сторона действия – это наличие «некоторой сферы выбора» (касающейся как целей, так и средств³), которая предполагает возможность ошибки, заключающейся в неудаче достижения цели или неправильном выборе средств достижения таковой.

Понятие «намерение» глазами аналитических философов (Витгенштейн и Энском)

Теперь обратимся к аналитической философии. Прежде всего рассмотрим философию позднего Витгенштейна в отношении к теории действия. В «Философских исследованиях» он ставит проблему соотношения языка (высказываний и предложений) и смысла (или мысли). «Цель языка в том, чтобы выражать мысли». – Значит, по-видимому, цель всякого предложения в том, чтобы выразить одну мысль. Тогда какая мысль выражается, например, предложением “Идет дождь”?» [3, с. 209]. Как известно, общая идея поздней философии Витгенштейна сводится к убеждению в невозможности понять смысловое содержание языковых выражений без обращения к контексту, в котором они функционируют. Проблематика соотношения значения и высказывания, смысла и языка отразилась и на проблеме корреляции действия и намерения. «Намерение, с которым действуют, “сопровождает” действие ничуть не больше, чем мысль “сопровождает” речь. Мысль и намерение не являются ни “простейшими”, ни “составными”; их нельзя сопоставить ни единой ноте, звучащей во время действия или разговора, ни мелодии» [3, с. 317]. В этом месте Витгенштейн намечает ревизионистскую линию, которую продолжит его ученица Э. Энском, о чем будет сказано ниже. Суть этой линии заключается в пересмотре традиционного представления о действии как двусоставной вещи, состоящей из самого действия и предваряющего его намерения, в котором вшито целеполагание. Казалось бы, любое действие совершается

³ В этом месте мнение Парсонса отличается от той традиции, которую заложил еще Аристотель и которая рассматривает разум как инструмент для достижения целей, но никак не инстанцию способную задавать эти цели. А. Макинтайр резюмирует эту позицию в следующих словах: «Разум исчислителен; он может определять истины факта и математические отношения, но не более того. В практической области он может говорить только о средствах. О целях он должен молчать» (цит. по [15, с. 68]).

сознательным рациональным существом и в связи с этим неизбежным образом сопровождается обдумыванием, представлением, планированием и т. д. Если так, то действие должно быть сопряжено с некими ментальными эпифеноменами. Но проблема в том, что у Витгенштейна есть большие сомнения в возможности получить доступ к внутреннему опыту отдельного человека: «но возможно ли представить язык, на котором человек может записать или выразить вслух свой внутренний опыт – чувства, настроения и прочее – для личного пользования? ...Отдельные слова этого языка должны обозначать то, что известно лишь самому человеку, его личные, приватные ощущения. Значит, никто другой не сможет понять этот язык» [3, с. 140].

Методологическая установка философии позднего Витгенштейна проистекает из только что обозначенного убеждения в отсутствии надежного доступа к внутреннему миру человека. В таких условиях нам приходится обратиться к языку, работать с высказываниями, в которых зафиксирована манифестация намерения совершить какое-либо действие (я бы хотел сделать то-то и то-то), или с высказываниями относительно прошлых стремлений и интенций деятеля (у меня было намерение сделать то-то и то-то). Поэтому его исследование сводится к рассмотрению различных случаев употребления подобных высказываний. Например, в параграфе 635 «Философских исследований» он обращается к фразе «Я собирался сказать...» и отмечает, что даже при тончайшей интроспекции субъекту такого высказывания не удастся уяснить собственное намерение: «“Я собирался сказать...” – Ты помнишь разные подробности. Но даже все вместе они не показывают твое намерение. Как будто сделан снимок сценической картины, но различимы лишь отдельные детали: здесь рука, там фрагмент лица или шляпа – остальное темно. И все же я словно знаю наверняка, что изображает снимок в целом. Как если бы я способен читать темноту» [3, с. 243]. У нас нет ясных представлений о наших намерениях, но есть ясное ощущение («словно знаю» – это не про стандартное знание, а скорее про интуицию). В «Zettel» мы можем прочесть еще более радикальные слова Витгенштейна относительно намерения: «“У меня было намерение...” не выражает воспоминания о переживании. (Как и: “Я собирался...”» [4, с. 49]. И еще: «Намерение (интенция) не является ни душевным порывом, ни настроением, ни ощущением или представлением. Оно – не состояние сознания. У него нет подлинной длительности» [4, с. 50].

Если наши намерения – это лишь несвязанные и очень смутные островки, которые наше сознание с трудом может объединить в единый архипелаг, то за счет чего наши действия получают осмысленность? Что мы можем ответить на вопрос: «Каково было намерение?» И не теряет ли тогда смысл подобное вопрошание? Рассуждая по аналогии, мы можем заклю-

читать, что если слово получает свое значение не благодаря некоему природному изначальному смыслу и даже не в силу конвенционального договора (ибо он может быть изменен), а только в связи с его устоявшимся употреблением применительно к конкретным вещам и событиям⁴, то действие также получает свой смысл не через намерение агента, а через условия его совершения. Какое-либо действие оценивается как бессмысленное (например, кто-то может тушить огромный пожар с помощью чайной ложечки и стакана воды) не потому, что совершающий его сумасшедший, то есть его внутренний мир диссонирует с окружающей реальностью, но потому что само по себе действие в данных условиях не имеет смысла (невозможно потушить большой пожар такими средствами). Сам Витгенштейн более изящно объясняет это следующими словами: «Намерение включено в ситуацию, в человеческие обычаи и институты. Если бы техника игры в шахматы не существовала, у меня не могло бы возникнуть намерение сыграть в шахматы. Насколько я действительно намереваюсь сконструировать предложение заранее, настолько это возможно благодаря тому, что я умею говорить на рассматриваемом языке» [3, с. 168].

В своей книге «О намерении» Э. Энском развила идеи своего учителя Витгенштейна. Согласно Энском, Витгенштейн обосновал «невозможность осмысленного разговора о намерении как некоем внутреннем состоянии, в котором человек себя застаёт» [11, с. 92]. Вслед за учителем Энском пытается осмыслить намерение в обход психологического подхода, что заставляет ее обратиться к материалу языка, на котором мы выражаем свои намерения. Она выделяет три типа предложений: в одном человек выражает свои намерения относительно будущего – *expression of intention for the future* (например, «Я собираюсь сделать...»), в другом мы оцениваем какое-либо действие как намеренное – *intentional action* (например, «Он сделал это намеренно!»), в третьем мы вопрошаем, с каким намерением что-либо было сделано – *intention in acting* (например, «Чего ты хотел добиться своим действием?»). Все три случая подразумевают (или во всяком случае должны подразумевать) единую концепцию намерения, но, как замечает Энском, мы с большим трудом можем обнаружить единство и задать общие основания для всех трех вышеперечисленных случаев.

В некотором смысле Энском пошла дальше Витгенштейна в ревизионистском настрое по отношению к психологическому пониманию намерения. Если Витгенштейн позволял себе говорить о некотором «ощущении» намерения, то Энском отказывается отождествить намерение с ка-

⁴ См. пример с банком и башней в «Философских исследованиях». Неудобство употребления слова «башня» вместо слова «банк» свидетельствует не об ошибке, а лишь о том, что говорящий еще не приучился такому словоупотреблению: «слово “башня” звучит несколько странно в данном употреблении, оно еще не “приобрело” значение» [3, с. 313].

ким-либо ментальным содержанием или неким природным стремлением. Иначе говоря, усмотрение некоторого «естественного выражения намерения» у кошки, охотящейся на мышшь, было допустимо для Витгенштейна, а для Энского – нет. Таким образом, в отказе от психологического способа познания намерения (то есть через интроспекцию) она довольно последовательна, о чем заявляет с первых страниц своей книги [17, р. 5]. Логичным следствием отказа от психологизации намерения является обращение к контексту совершаемого действия, и к социальным условиям в том числе. «Говоря о намерениях, мы сообщаем друг другу не о сокровенных глубинах своего внутреннего мира, но о месте наших действий в мире общем. Соответственно, анализ человеческой деятельности требует не особо тонкой формы интроспекции, но особой внимательности к тому, как устроена социальная реальность вокруг нас» [11, с. 109]. В то же время Энском понимает, что такой подход нельзя считать панацеей, поскольку исключительное внимание к контексту не может дать нам подлинного знания о намерении. «Если бы контекста всегда было достаточно для понимания намерений, ложь была бы невозможна» [11, с. 106]. Поэтому проект Энского – это тонкая грань между контекстуализмом и пониманием того, что отчет о своих намерениях может дать только сам актер.

Рассмотрев некоторые подходы⁵ к теории действия в аналитической философии, обратимся теперь к социологии и посмотрим, каким образом теория действия применяется там. Прежде всего посмотрим, каким образом применяется теория действия в социологических исследованиях. Спектр исследований в этом направлении достаточно широкий: от поиска оснований выбора профессии до определения долгосрочной политики кабинетом министров. При этом следует отметить, что социальные науки, рассматривающие основания выбора и принятия решений, более чувствительны к исследованиям в когнитивных науках или к наработкам в поведенческой экономике. Благодаря этому инструментарию социологи могут более точно просчитать рациональные действия людей в конкретных социально-экономических условиях. Но даже этой концептуальной и теоретической поддержкой извне социологи часто пренебрегают (см. [18]). Излишне говорить, что рассуждениями аналитических философов, слишком абстрактными и мало приложимыми к практике, они и вовсе не пользуются. Однако социологам безусловно может быть полезным обращение к аналитической философии в целом и к ее выводам относительно теории действия в частности. Прежде всего это позволит глубже заглянуть в про-

⁵ Справедливости ради следует упомянуть о Д. Дэвидсоне, который также внес значительный вклад в рассматриваемый нами предмет. Этот философ знаменит тем, что уделил большое внимание намерению как концепту, который имеет значительный эвристический потенциал для понимания природы подлинного действия [19]. Но и он отмечал проблемность связи между понятиями «действие» и «намерение» [10, 25].

цесс принятия решения социальным актором, а не ограничиваться итоговыми показателями (например, данными о количестве абитуриентов, собирающихся поступить в определенный университет)⁶.

Социология в поисках новой модели рационального субъекта действия

Обратимся к нескольким примерам социального действия. С.А. Сивова приводит следующие примеры социальных действий, в которых демонстрирует веберовское понимание социального действия как направленного на других людей. «Человек совершает преступление. Он поступает не так, как от него ожидает общество, причем эти ожидания сформулированы очень четко в форме юридических норм. В чем же здесь проявляется ориентация на эти ожидания? В том, что такое деяние редко кто выставляет напоказ, а наоборот, стараются спрятать его» [14]. И другой пример: «ученик хвалится тем, что получил хорошую оценку, списав ответ. Социальный механизм таких действий состоит в следующем: ученик учел возможные санкции, если он раскроет свои действия, не соответствующие ожиданиям, и оценил эти санкции как не представляющие угрозы. Таким образом, он ориентировался на “других”» [14]. Однозначность подобных примеров говорит о том, что для социологии цели и намерения участника социального взаимодействия представляются прозрачными и раскрываются через социальный контекст совершенного действия. Однако опыт философского анализа, представленный нами выше, говорит о том, что наши представления о намерениях действующих субъектов весьма и весьма иллюзорны. Даже для самого субъекта действия собственные намерения представляют собой не более чем комплекс неясных представлений.

В целом нам понятно стремление исследователей социальных действий обозначить цели и намерения субъектов в качестве ясных и понятных, а самое главное – согласующихся с социальным контекстом. Социологи в своих исследованиях ориентируются на модель рационального человека, ведь именно такая концептуализация позволяет сделать из социальных акторов закономерные и доступные научному познанию явления. Именно представления о рациональном человеке обеспечивают нас моделью субъекта, чьи действия всегда целенаправлены, преднамеренны и осмыслены. В сильной версии рациональный субъект обладает полным знанием ситуации, в которой принимается решение, имеет устоявшийся набор предпочтений и оценок, осведомлен об альтернативах и последствиях и, наконец, избирает наиболее

⁶ Мы помним, что социологи оперируют не только количественными методами и показателями, но и качественными (такими как индивидуальные и групповые глубинные интервью). Однако дальнейшая обработка полученных данных ведет к универсализации, нивелирующей индивидуальный подход.

эффективные средства для достижения целей⁷. Излишне говорить, что эта модель далеко не всегда отвечает реальному положению дел, о чем часто говорят и сами социологи. Например, ими было отмечено, что субъект действия может совершать выбор не только в пользу собственных интересов [21], набор ценностей и предпочтений актора не является устойчивым [22], а участники социального взаимодействия не всегда делают оптимальный выбор [20]. К этому набору критики мы можем добавить скептические ремарки представителей аналитической философии по поводу ограниченной осведомленности субъекта действия о собственных намерениях. Какие следствия вытекают из всех этих критических замечаний? С одной стороны, мы вынуждены признать, что наше понимание причин социального взаимодействия не всегда корректно. С другой стороны, возникают сомнения в прогностической способности социальной науки. Выход из сложившейся ситуации может заключаться в создании новой модели субъекта действия, в которой будут органичным образом сочетаться ориентированность субъекта на внешний контекст (условия, в которых совершаются действия) и ограниченная осведомленность о собственных основаниях действия. В качестве отправного пункта могут послужить представления Э. Дюркгейма о природе социального действия, поскольку взгляд этого теоретика социологии наиболее далек от психологизации социальных действий. По сути, обозначенная нами задача сводится к поиску баланса между рациональным и иррациональным (или калькулируемыми и не калькулируемыми) компонентами социального взаимодействия. Помимо всего прочего выстраивание новой модели приведет к некоторым корректировкам языка социологического исследования⁸.

Заключение

Рассмотрев некоторые теории социального действия и отдельные ремарки аналитических философов относительно теории действия в целом, мы пришли к следующему выводу. В большинстве своем социологи склонны использовать модель рационального субъекта действия, который осведомлен относительно своих собственных целей и намерений, способен оценить риски, знает о возможных последствиях своих действий, избирает наиболее оптимальные средства достижения целей. Аналитические философы (Л. Витгенштейн и Э. Энском) ставят под сомнение возможность намерения быть экспланандумом действия, поскольку ни сам субъект

⁷ Примеры сильных версий рационального субъекта см. в [23, 24].

⁸ Например, более точно будет говорить, что «33 % опрошенных *высказали* намерение...», а не «33 % опрошенных намерены...». Посредством такого смягчения исследователь признает неполноту своего знания и делает переход от психологического подхода (голословное знание внутренних интенций исследуемого субъекта) к дискурсивному (апелляция к высказываниям).

действия, ни внешний наблюдатель не могут ясно представить намерения актора. Устранение концепции намерения из теории действия приводит нас к контекстуальному подходу, который черпает объяснение логики действия из условий его совершения. Однако полное удаление субъекта действия как главного источника поступка всё же представляется контринтуитивной мерой. Более приемлемым решением будет создание новой модели субъекта действия, в которой осведомленность субъекта о собственных намерениях будет более реалистичной.

Литература

1. Бергер П.Л. Приглашение в социологию: гуманистическая перспектива / пер. с англ. под ред. Г.С. Батыгина. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 168 с.
2. Вебер М. Избранные произведения / сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; предисл. П.П. Гайденко. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.
3. Витгенштейн Л. Философские исследования / пер. с нем. Л. Добросельского. – М.: АСТ, 2018. – 352 с.
4. Витгенштейн Л. Zettel. Заметки / пер. В. Анашвили. – М.: Ад Маргинем, 2020. – 240 с.
5. Дюркгейм Э. Самоубийство: социологический этюд: пер. с фр. с сокр. / под ред. В.А. Базарова. – М.: Мысль, 1994. – 399 с.
6. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда; Метод социологии / пер. с фр. и послесл. Л.Б. Гофмана. – М.: Наука, 1990. – 575 с.
7. История буржуазной социологии первой половины XX века / отв. ред. Л.Г. Ионин, Г.В. Осипов. – М.: Наука, 1979. – 307 с.
8. Козырев Г.И. Социальное действие, взаимодействие, поведение и социальный контроль // Социологические исследования. – 2005. – № 8 (256). – С. 124–129.
9. Кравченко А.И. Статика и динамика социального действия // Социология. – 2020. – № 1. – С. 4–39.
10. Мальцева А.П. Теория рационального действия в англо-американской философии // Вопросы философии. – 2010. – № 12. – С. 144–156.
11. Мишура А.С. Понятие намерения в философии действия Элизабет Энском // Социологическое обозрение. – 2018. – Т. 17, № 2. – С. 87–114. – DOI: 10.17323/1728-192X-2018-2-87-114.
12. Парсонс Т. О структуре социального действия. – М.: Академический проект, 2000. – 880 с.
13. Розин В.М. Изучение социальности и проблема социального действия // Идеи и идеалы. – 2020. – Т. 12, № 2, ч. 1. – С. 11–28. – DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.2.1-11-28.
14. Сивова С.А. Социальная реальность через призму социального действия // Гуманитарные научные исследования. – 2017. – № 6. – URL: <http://human.snauka.ru/2017/06/24199> (дата обращения: 15.11.2021).

15. *Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие / пер. с нем. под ред. Д.В. Скляднева. – СПб.: Наука, 2000. – 379 с.
16. *Хабермас Ю.* Отношения к миру и рациональные аспекты действия в четырех социологических понятиях действия // Социологическое обозрение. – 2008. – Т. 7, № 1. – С. 3–24.
17. *Anscombe G.E.M.* Intention. – Cambridge: Harvard University Press, 2000. – 94 p.
18. *Bruch E., Feinberg F.* Decision-Making Processes in Social Contexts // Annual Review of Sociology. – 2017. – N 43. – P. 207–227.
19. *Davidson D.* Essays on Actions and Events. – Oxford: Clarendon Press, 2001. – 255 p.
20. *Emirbayer M.* Manifesto for a relational sociology // American Journal of Sociology. – 1997. – Vol. 103, N 2. – P. 281–317.
21. *Margolis H.* Selfishness and Altruism. – Chicago: University of Chicago Press, 1982. – 201 p.
22. *Munch R.* Rational choice theory: a critical assessment of its explanatory power // Rational Choice Theory: Advocacy and Critique / ed. by J. Coleman, T. Fararo. – London: Sage, 1992. – P. 137–161.
23. *Samuelson P.* Some implications of linearity // Review of Economic Studies. – 1947. – Vol. 15, N 2. – P. 88–90.
24. *Neumann J. Von, Morgenstern O.* Theory of Games and Economic Behavior. – Princeton: Princeton University Press, 1944. – 625 p.
25. *Wilson G., Shpall S.* Action // The Stanford Encyclopedia of Philosophy. – URL: <https://plato.stanford.edu/archives/win2016/entries/action/> (accessed: 15.11.2021).

Статья поступила в редакцию 19.03.2021.

Статья прошла рецензирование 22.05.2021.

DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.4.1-28-41

ACTION WITHOUT INTENTION: SOME REMARKS OF ANALYTICAL PHILOSOPHY APPLIED TO THE THEORY OF SOCIAL ACTION

Sanzhenakov Alexander,

Cand. of Sc. (Philosophy),

Senior Researcher, Institute of Philosophy and Law SB RAN,

8 Nikolaeva Street, Novosibirsk, 630090, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-5789-6632

sanzhenakov@gmail.com

Abstract

The article is devoted to the consideration of the theory of social action in the context of criticism of the theory of action by analytical philosophy. Firstly, the article describes the basic concepts of social action by M. Weber, E. Durkheim, and T. Parsons. Despite some disagreements between these sociologists, they agree that social action is purposeful and intentional, as well as focused on other people, due to which it receives a social characteristic. Then the author turns to analytical philosophy, in which the concept of “intention” was subjected to skeptical analysis. For example, in the philosophy of late Wittgenstein, action receives its meaning not from the intentions of the actor, but from the context of its implementation, just as words get their meaning from the conditions in which they are used. His ideas were developed by E. Anscombe, who rejected introspection as a method of comprehending the intentions of the subject of action. An obvious consequence of the refusal of psychologizing intent was an appeal to the context of the action being performed and to its social conditions as well. Having considered examples of the application of the theories of social action, the author concludes that sociologists in most of their studies use the model of a rational subject of action, the distinguishing feature of which is awareness of one’s own intentions and goals. Although some researchers have attempted to make this model weaker in order to approximate it to real participants of social interaction, these changes did not affect the awareness of the subject of action of his own goals and intentions. Therefore, the author of the article concludes that one of the urgent tasks of sociology is to develop a new model of the subject of action, which will organically combine the subject’s orientation to the external context and limited awareness of the grounds for his own actions.

Keywords: theory of action, social action, Wittgenstein, intention, rationality, goal-setting.

Bibliographic description for citation:

Sanzhenakov A. Action without Intention: Some Remarks of Analytical Philosophy Applied to the Theory of Social Action. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2021, vol. 13, iss. 4, pt. 1, pp. 28–41. DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.4.1-28-41.

References

1. Berger P.L. *Invitation to Sociology: A Humanistic Perspective*. Harmondsworth, UK, Penguin Books, 1963 (Russ. ed.: Berger P.L. *Priglasenie v sotsiologiyu: gumanisticheskaya perspektiva* Moscow, Aspekt Press, 1996. 168 p.).
2. Weber M. *Izbrannye proizvedeniya* [Selection works]. Moscow, Progress Publ., 1990. 808 p. (In Russian).
3. Wittgenstein L. *Filosofskie issledovaniya* [Philosophical Investigations]. Moscow, AST Publ., 2018. 352 p. (In Russian).
4. Wittgenstein L. *Zettel*. Moscow, Ad Marginem Publ., 2020. 240 p. (In Russian).
5. Durkheim E. *Samoubiystvo: sotsiologicheskii etyud* [Suicide: A Study in Sociology]. Moscow, Mysl' Publ., 1994. 399 p. (In Russian).
6. Durkheim E. *O razdelenii obshchestvennogo truda. Metod sotsiologii* [The Division of Labour in Society. The Rules of Sociological Method]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 575 p. (In Russian).
7. Ionin L.G., Osipov G.V., eds. *Istoriya burzhuaznoi sotsiologii pervoi poloviny XX veka* [History of bourgeois sociology in the first half of the 20th century]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 307 p.
8. Kozyrev G.I. Sotsial'noe deistvie, vzaimodeistvie, povedenie i sotsial'nyi kontrol' [Social action, interaction, behavior and social control]. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 2005, no. 8 (256), pp. 124–129.
9. Kravchenko A.I. Statika i dinamika sotsial'nogo deistviya [Statics and dynamics of social action: options and alternatives]. *Sotsiologiya = Sociology*, 2020, no. 1, pp. 4–39.
10. Maltseva A.P. Teoriya ratsional'nogo deistviya v anglo-amerikanskoj filosofii [The theory of rational action in the Anglo-American philosophy]. *Voprosy filosofii = Russian Studies in Philosophy*, 2010, no. 12, pp. 144–156. (In Russian).
11. Mishura A.S. Ponyatie namereniya v filosofii deistviya Elizabet Enskom [The Concept of Intention in Anscombe's Philosophy of Action]. *Sotsiologicheskoe obozrenie = Russian Sociological Review*, 2018, vol. 17, no. 2, pp. 87–114. DOI: 10.17323/1728-192X-2018-2-87-114.
12. Parsons T. *The Structure of Social Action*. New York, McGraw-Hill, 1937 (Russ. ed.: Parsons T. *O strukture sotsial'nogo deistviya*. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2000. 880 p.).
13. Rozin V.M. Izuchenie sotsial'nosti i problema sotsial'nogo deistviya [Study of Sociality and the Problem of Social Action]. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2020, vol. 12, iss. 2, PT. 1, pp. 11–28. DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.2.1-11-28.
14. Sivova S.A. Sotsial'naya real'nost' cherez prizmu sotsial'nogo deistviya [Social reality through the prism of social action]. *Gumanitarnye nauchnye issledovaniya = Humanities scientific researches*, 2017, no. 6. Available at: <http://human.snauka.ru/2017/06/24199> (accessed: 15.11.2021).
15. Habermas J. *Moral'noe soznanie i kommunikativnoe deistvie* [Moral Consciousness and Communicative Action]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2000. 379 p. (In Russian).

16. Habermas J. Otnosheniya k miru i ratsional'nye aspekty deistviya v chetyrekh sotsiologicheskikh ponyatiyakh deistviya [Relations to the World and Aspects of Rationality in Four Sociological Concepts of Actio]. *Sotsiologicheskoe obozrenie* = *Russian Sociological Review*, 2008, vol. 7, no. 1, pp. 3–24. (In Russian).
17. Anscombe G.E.M. *Intention*. Cambridge, Harvard University Press, 2000. 94 p.
18. Bruch E., Feinberg F. Decision-Making Processes in Social Contexts. *Annual Review of Sociology*, 2017, no. 43, pp. 207–227.
19. Davidson D. *Essays on Actions and Events*. Oxford, Clarendon Press, 2001. 255 p.
20. Emirbayer M. Manifesto for a relational sociology. *American Journal of Sociology*. 1997, vol. 103, no. 2, pp. 281–317.
21. Margolis H. *Selfishness and Altruism*. Chicago, University of Chicago Press, 1982. 201 p.
22. Munch R. Rational choice theory: a critical assessment of its explanatory power. *Rational Choice Theory: Advocacy and Critique*. Ed. by J. Coleman, T. Fararo. London, Sage, 1992, pp. 137–161.
23. Samuelson P. Some implications of linearity. *Review of Economic Studies*, 1947, vol. 15, no. 2, pp. 88–90.
24. Neumann J. Von, Morgenstern O. *Theory of Games and Economic Behavior*. Princeton, Princeton University Press, 1944. 625 p.
25. Wilson G., Shpall S. Action. *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. Available at: <https://plato.stanford.edu/archives/win2016/entries/action/> (accessed 15.11.2021).

The article was received on 19.03.2021.

The article was reviewed on 22.05.2021.